

„РОДНАЯ РѢЧЬ“

№ 59.

Федоръ Сологубъ.

Политическія сказочки.

Цѣна 6 коп.

Издание Т-ва „Родная Рѣчь“
Москва
1916.

„Родная Рѣчь“

1. Л. Толстой, Три смерти. — Чѣмъ люди живы	6 к.
2. И. Тургеневъ, Бѣжинъ лугъ. — Бирюкъ	6 к.
3. В. Короленко, Чудная — Приемышъ. — Огоньки	6 к.
4. Г. Успенскій, Неизлѣчимый	8 к.
5. А. Чеховъ, Унтеръ Припибеевъ и др. рассказы	6 к.
7. И. Бѣлоконскій, Деревенская конспирація — „На второмъ путѣ“ — „Подлый, хитрый народъ“	6 к.
8. М. Горькій, Проходимецъ — Легенда о Марко	6 к.
9. С. Мечъ, Германия	8 к.
10. Скиталець, Полевой судъ	3 к.
11. И. Тургеневъ, Муму — Деревня	6 к.
12. С. Князьковъ, 19-ое Февраля 1861 года	6 к.
13. М. Арцыбашевъ, Кровавое пятно	6 к.
14. А. Орловскій, Освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи	6 к.
15. М. Горькій, Пѣсня о Соколѣ. — Пѣсня о Буревѣстникѣ	3 к.
16. А. Заринъ, День за днемъ	6 к.
17. И. Бѣлоконскій, Случайно не разстрѣлянный. — По рубрикамъ. — Первая „бомба“	6 к.
18. В. Ключевскій, Петръ Великій среди своихъ сотруд- никовъ	8 к.
19. С. Знаменскій, Основныя задачи въ области образо- ванія	6 к.
20. М. Кабановъ, Англійская политика „равновѣсія“	6 к.
21. В. Короленко, Лѣсъ шумитъ	6 к.
22. А. Шингаревъ, Земская и городская Россія	6 к.
23. А. Купринъ, Дознаніе — Бредъ	6 к.
24. Ф. Артемьевъ, Въ царствѣ стали	6 к.
25. И. Крыловъ, Сорокъ басенъ	6 к.
26. Е. Угени, Англичане въ Индіи	6 к.
27. И. Бѣлоконскій, Страшное мѣсто — Страховка — Властители	6 к.
28. С. Елпатьевскій, Ницца.—П. Рыссъ, Парижскіе силуэты	8 к.
29. С. Подьячевъ, Разладъ	8 к.
30. И. Никитинъ, Избранныя стихотворенія	8 к.
31. Э. Лъенъ, Очерки французской культуры	8 к.
32. М. Горькій, Емельянъ Пилай.—Дѣло съ застежками. — „Выводъ“	6 к.
33. С. Князьковъ, Голодь въ древней Россіи	6 к.
34. В. Вересаевъ, Въ сухомъ туманѣ. — Къ снѣху. — Объ одномъ городѣ	6 к.
35. М. Кабановъ, Германская интеллигенція и война	6 к.
36. А. Кизеветтеръ, Протопопъ Аввакумъ	6 к.
37. И. Бунинъ, Черноземъ	3 к.
38. Е. Угени, Объ англичанахъ	8 к.
39. В. Ключевскій, Значеніе Преподобнаго Сергія для рус- скаго народа и государства	3 к.
40. И. Тургеневъ, Ася	8 к.
41. А. Орловскій, Реформа городского управленія въ Прус- сіи	6 к.
42. В. Дмитріева, Непримирымые	8 к.
43. И. Ястро, Богатство Англій и его источники	6 к.
44. А. Чеховъ, Дочь Альбіона и др. рассказы	6 к.
45. С. Ефремовъ, Изъ общественной жизни на Украинѣ	8 к.
46. Г. Успенскій, Будка	6 к.

Федоръ Сологубъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СКАЗОЧКИ.

Двѣ межи.

Пришла межа къ межѣ, спрашиваетъ:

— Каково тебѣ, межа, жить?

Отвѣчаетъ межѣ межа:

— Охъ, топчуть меня, межу, мужики, топчуть меня, межу, бабы, топчуть меня, межу, ребятишки малыя. А я, межа, тоненькая да худенькая, а я межа, здоровѣемъ больно хлипкая: недужится мнѣ, межѣ, нездоровится. Ты, межа, каково живешь?

Отвѣчаетъ межа межѣ:

— Охъ, и мнѣ, межѣ, жить по такому же, — и я, межа, отъ чужихъ-то ногъ захирѣла, занедужилась. Лучше бы на насъ, на межахъ, рожь повыросла.

Говоритъ межѣ межа:

— Пойдемъ, межа, къ проселку жаловаться.

Воздохнула межа, отвѣчаетъ межѣ:

— Проселокъ — маленькій человекъ, онъ намъ не поможетъ, — его никто не слушаетъ.

Говоритъ межѣ межа:

— Такъ пойдемъ, межа, къ большой дорогѣ жаловаться.

Воздохнула межа, отвѣчаетъ межѣ:

— Большая дорога—разбойница: она и можетъ, да не поможетъ. Видно, межа, надо намъ еще терпѣть. Разошлись межи по своимъ мѣстамъ.

Ракъ пятится назадъ.

Говорятъ, что ракъ пятится назадъ; но это — на-
пралина: раки ходятъ, какъ и всѣ добрые люди, въ ту
сторону, куда глаза глядятъ.

Вышелъ ракъ изъ рѣки, пошелъ осматривать окрест-
ности. Встрѣтили рака братишка и сестренка.

— Смотри-ка,—говоритъ братишка,—ракъ пятится.
Обрадовались. Говоритъ сестренка:

— Хорошо бы его поймать.

— Онъ, ракъ-то, большой дуракъ, — говоритъ бра-
тишка, — назадъ пятится, сзади себя не видитъ. Мы
ему мою шапку подставимъ, онъ въ нее самъ вползетъ,
а мы его унесемъ, спекемъ рака.

— Только ты тише,—говоритъ сестренка,—а то онъ
услышитъ.

Сѣли на корточки, четырьмя руками братишкину
шапку распялили, ждуть, когда ракъ въ шапку при-
пятится. А только ракъ, не будь глупъ, шапку увидѣлъ,
да въ сторону и свернулъ. Братишка и сестренка
въ ту сторону перебѣжали, опять шапку на рачій путь
наставили, — ракъ опять увильнулъ. Мыкались, мыка-
лись братишка и сестренка, видятъ, не поймать
въ шапку рака. Стали, ртишки разинули, на рака ди-
вятся, сами разсуждаютъ.

— Какъ же онъ сзади себя видитъ?—спрашиваетъ
сестренка.

Говоритъ ей братишка:

— Значитъ, у него сзади глаза.

— Да вѣдь глаза-то на головѣ,—говоритъ сестренка.

— Ну,—говорить братишка,—значить, у него и голова сзади.

Ударились со всѣхъ ногъ домой. Всѣмъ, большимъ и малымъ, рассказываютъ:

— А что мы видѣли-то сейчасъ! — какъ ракъ пьтится! И ужъ чудной же онъ, этотъ ракъ-то! Хвостъ-то у него спереди, а голова съ глазами сзади, — только передъ съ хвостомъ у него сзади, а задъ съ головою спереди.

Три плевка.

Шелъ человекъ и плюнулъ трижды.

Онъ ушелъ, плевки остались.

И сказалъ одинъ плевокъ:

— Мы здѣсь, а человекъ нѣтъ.

И другой сказалъ:

— Онъ ушелъ.

И третій:

— Онъ только затѣмъ и приходилъ, чтобы насъ посадить здѣсь. Мы—цѣль жизни человекъ. Онъ ушелъ, а мы остались.

Застрахованный грибъ.

Одинъ грибъ застраховался. Съѣздилъ въ столичный городъ, заплатилъ, сколько потребовалось, на все лѣто застраховался, и вернулся въ свой лѣсъ. На шляпку ему дощечку малую гвоздиками приколотили, а на дощечкѣ надпись очень явственно обозначаетъ: Страховое Общество Россія. Стоитъ грибъ и кичится. Отъ всѣхъ грибовъ ему большое почтеніе.

Пришли въ тотъ лѣсъ коровы. Траву ѣдятъ, грибами лакомятся, сами кутасами побрякиваютъ да хво-

стами помахиваютъ, оводовъ отганиваютъ. Очень хорошо себя чувствуютъ. Какъ генералы на дачѣ. А какъ подойдутъ къ застрахованному грибу, такъ сейчасъ у нихъ на душѣ беспокойно становится, и онѣ поскорѣе назадъ.

— Его, — говорятъ, — нельзя ѣсть. Онѣ, — говорятъ, — застрахованъ. Отъ него, — говорятъ, — надо подальше, а то еще невзначай ногой на него наступишь, бѣды не оберешься.

Но вотъ подошла одна корова, хочется ей этотъ грибокъ съѣсть. Стоитъ и думаетъ:

— А что мнѣ будетъ, если я его стрескаю?

Спрашиваетъ другихъ коровъ:

— А гдѣ тутъ грибокъ стоитъ застрахованный?

Такой видъ изъ себя дѣлаетъ, будто бы сама не видитъ.

Показали.

— А какая, — спрашиваетъ, — на немъ страховка?

— А вотъ, — говорятъ, — дощечка малая. Штука она маленькая, а сила въ ней большая.

Подумала корова, языкомъ дощечку малую лизнула, рогомъ подпихнула, — свалилась тутъ дощечка малая на гнилой пень.

— Ну, — говорить корова, — теперь страховка на гнилой пень перешла. Нельзя теперь гнилой пень трогать, — онъ застрахованный.

А другія коровы ей мычатъ въ отвѣтъ съ большимъ неудовольствіемъ:

— На что намъ гнилой пень? Намъ, — мычатъ, — гнилого пня не надо, намъ, — мычатъ, — грибовъ надобеть.

Но, пока онѣ такъ изъяснялись на счетъ гнилого пня, корова, не будь дура, застрахованный-то грибокъ и съѣла. Говоритъ:

— Застраховался, да не крѣпко.

Съѣла, и пошла.

Ну, и ничего ей такъ не было.

Харя и кулакъ.

Сидѣла въ избѣ харя и глядѣла на улицу. Сидитъ, глядитъ,—мухи дохнутъ, молоко киснетъ.

Шель мимо кулакъ. Понравилась ему харя. Онъ и говорить:

— Харя, а харя, иди за меня замужъ.

А харя ему отвѣчаетъ:

— Пошла бы я за тебя замужъ, а только вы, мужчины, коварные измѣнщики. Промѣняешь ты меня на прекрасную Алену, а я буду самая разнесчастная.

Кулакъ отвѣчаетъ:

— Не бось, я эту Алену сокрушу, ты мнѣ только дай ея адресъ.

Харя очень обрадовалась, заставила кулака побожиться, что онъ не обманетъ, и дала ему Аленинъ адресъ. Пошелъ кулакъ къ Аленѣ прекрасной, нашель Алену прекрасную по адресу, и своимъ глазамъ не вѣрить. спрашиваетъ:

— Ты Алена прекрасная?

Алена смѣется, говорить:

— Я самая и есть.

Плюнулъ кулакъ, говорить:

— Ни кожи, ни рожи, ни видѣнья. Не хочу о тебя и руки пачкать.

Пошелъ къ харѣ. Поженились. Кажинный Божій день дерутся. Все харя кулака къ Аленѣ ревнуетъ.

Идолъ и переидолъ.

Сошлись на улицѣ двое мальчишекъ, и ну переругиваться. Сперва ругались, потомъ одинъ передъ другимъ выхваляться стали. Одинъ говорить:

— У меня мамка пьяная распьяная лежитъ на полу и послѣдними словами ругается.

А другой говорить:

— У меня и вовсе мамки нѣтъ, — я изъ банной сырости завелся.

— Эка невидаль, — говоритъ первый, — я своихъ боговъ продалъ, деньги пропилъ.

— Важное кушанье, — отвѣчаетъ другой, — и я боговъ продалъ, а на тѣ деньги идола купилъ.

— А я у сосѣда переидола укралъ.

— Мой идолъ большой, деревянный, — я тебѣ имъ голову проломлю.

— А у меня переидолъ желѣзный, — махну, ты у меня тылью разлетишься.

Принесли они идола и переидола: идолъ — оглобля, переидолъ — ломъ желѣзный. Стали драться. Кровь течетъ, башки трещатъ, а они знай себѣ дерутся. Поправилось.

Куклы дѣвочкина брата.

Сидѣла дѣвочка на полу, играла въ куклы, — занималась себѣ потихоньку. Говоритъ брату:

— Вотъ эта кукла у меня Катенька, а эта кукла у меня Машенька. Я ихъ въ кисейныя платица наряжу, потомъ ихъ песочной кашпцей покормлю, а потомъ ихъ въ уголь ставить буду.

Дѣвочкину брату стало завидно. Онъ и говоритъ:

— Я себѣ тоже куколъ куплю, только не такихъ, какъ у тебя, а хорошихъ, мужчинскихъ.

Живымъ духомъ слеталъ въ игрушечную лавочку, тамъ купилъ недорого двѣ куклы мужского пола и принесъ ихъ домой. Говоритъ дѣвочкѣ:

— Вотъ эта кукла у меня Поддергузинъ, а эта Всластьсвистальскій. Поддергузина я министромъ сдѣ-

лаю, а Властьсвистальскій посломъ будетъ. Я ихъ на веревочкѣ таскать стану, а потомъ въ лужу посажу.

Такъ дѣвочкинъ братъ все и сдѣлалъ, какъ по писаному: навязалъ онъ Поддергузина и Властьсвистальскаго на веревочку, и ужъ таскалъ онъ ихъ, по всему дому, по всему двору, по всей улицѣ, — а послѣ всего того посадилъ ихъ въ самую грязную лужу. Тамъ они и остались.

Извѣстно, мальчики не умѣютъ хорошо въ куклы играть.

Фрица изъ-за границы.

Одни родители, папа съ мамой, долго сердились на своихъ мальчиковъ, Кешку да Пешку, — своевольные были Кешка да Пешка. И чего только съ ними папа и мама ни дѣлали, и по-хорошему-то ихъ унимали, и по-родительски, а имъ все нейметя. Шалятъ, самочинствуютъ, да и на-поди.

Вотъ одинъ умный дядя и посовѣтовалъ папѣ и мамѣ:

— Что, — говоритъ, — вы на нихъ смотрите, на такихъ балбесовъ! Да вы ихъ сгоните со двора, а вмѣсто нихъ выпишите изъ-за границы парочку нѣмчиковъ; тамъ, — говоритъ, — ребята очень хорошіе и всѣмъ комплинтамъ крѣпко научены.

Папа съ мамой обрадовались, такъ и сдѣлали: Кешку да Пешку выгнали вонъ, а на ихъ мѣсто написали нѣмчика: на пару нѣмчиковъ денегъ жаль было, да и думали, что и одинъ хорошій мальчикъ лучше двухъ плохихъ.

Кешка да Пешка долго плакали, прощенія просили, обѣщались не шалить, домой очень умильно просились, да ужъ не простили ихъ папа съ мамой:

— Нельзя, — говорятъ, — всѣ сроки вышли, и нѣм-

чику билеты желѣзнодорожные выправлены, такъ не пропадать же деньгамъ. Идите,—говорять,— съ Богомъ, по-добрѣ, по-здорову.

Поныли еще Кешка да Пешка, Богу помолились, кресту поклонились, да и пошли, горемычные.

А на мѣсто ихъ пріѣхалъ въ скорости изъ-за границы мальчикъ Фрица, чистенькій, вѣжливенькій, subtilный. Папѣ и мамѣ книксенъ сдѣлалъ, ручки лизнулъ, и тоненькимъ голоскомъ гуть-моргенъ проговорилъ, — все какъ слѣдуетъ по заграничному правилу.

Только скоро у папы и у мамы пошли съ мальчикомъ Фрицей нелады, потому что Фрицѣ большая чистота требовалась, а у папы съ мамой къ чистотѣ душа не лежала, и отъ большой чистоты имъ тошно становилось.

Придетъ, бывало, Фрица и заговорить учтиво:

— Глубокоуважаемые родители, дорогой и душевно-почитаемый папочка, милая и сердечно любимая мамочка, позвольте мнѣ чистую рубашечку, ибо та, которую я ношу въ продолженіе двухъ недѣль, несмотря на все мое стараніе не пачкать моей одежды, все-таки утратила свою первоначальную чистоту и нуждается въ стиркѣ.

А папа съ мамой говорятъ:

— Хорошъ и въ этой рубашкѣ, подожди до бани.

Такъ и во всемъ. Попросить Фрица чистой тарелки, ему папа съ мамой говорятъ:

— Жри на грязной.

Попросить Фрица купить ему частый гребешокъ расчесывать голову, ему говорятъ:

— Своей пятерни мало, такъ чешись десятерней.

Попросить помыться раньше баннаго срока, папа съ мамой скажутъ:

— Въ грязи теплѣе.

Сталъ Фрица по ночамъ плакать, началъ Фрица худѣть, началъ Фрица отъ грязи паршивѣть, пришла

къ Фрицъ русская холера, скрутила Фрицу въ одночасье.

Схоронили папа съ мамой Фрицу, говорятъ:

— Видно, нечего дѣлать, возьмемъ Кешку да Пешку опять.

Да ужъ поздно было! Кешка да Пешка поступили въ хулиганы, проткнули перочиннымъ ножикомъ брюки у самага старшаго городского, и за то ихъ сослали въ самую далекую каторгу.

Не въ добрый часъ пришелся Фрица изъ-за границы. Да не добромъ помянули папа съ мамой и умнаго дядю.

Лучишка въ темничкѣ.

Пришли лучи къ Солнцу, разбираютъ себѣ подорожныя. Одинъ лучъ говоритъ:

— Я нынче во дворецъ пойду.

Другой говоритъ:

— Я по Невскому погуляю.

Третій говоритъ:

— А я по полямъ пройдуся.

Четвертый говоритъ:

— А я въ рѣчкѣ выкупаюсь.

Всѣ хорошія мѣста разобрали, и побѣжали было, да Солнце кричить:

— Стойте, братцы, вотъ еще есть мѣстечко, — темная темничка, гдѣ сидитъ бѣдный заключенный.

Всѣ лучи заговорили жалобно:

— Въ темной темничкѣ сыро, въ темной темничкѣ грязно, въ темной темничкѣ скверно пахнетъ, — не хотимъ идти въ темную темничку.

Поймалъ Солнце одного лучишку за волосенки, говоритъ:

— Ты вчера шалилъ много, въ непоказанныя мѣста заглядывалъ, — побывай въ темной темничкѣ хоть пять минутокъ.

Заплакаль бѣдный лучишка, да нечего дѣлать, нельзя Солнцева приказа не исполнить. Побылъ пять минутокъ у бѣднаго заключеннаго въ темной темничкѣ,—кислый, злой, сморщенный. А бѣдному заключенному и то было за великій праздникъ.

Смертерадостный покойничекъ.

Быль такой смертерадостный покойничекъ,—ходить себѣ по злачному мѣсту, зубы скалить и очень весело радуется. Другіе покойники его унимать, корить было стали, говорятъ:

— Ты бы лежалъ смирнехонько, ожидая Страшнаго Суда,—лежалъ бы, о грѣхахъ сокрушаяся.

А онъ и говоритъ:

— Чего мнѣ лежать,—я ничего не боюсь.

Ему говорятъ:

— Сколь много ты нагрѣшилъ на землѣ, все это разберутъ, и пошлютъ тебя въ тартарары, въ адскую преисподнюю, въ геену огненную, на муки мученскія, на вѣки вѣчные,—смола тамъ будетъ кипучая кипѣть, огонь вспыхнетъ неугасимый, а демоны-то, зѣло страховитые, будутъ мукамъ нашимъ радоваться.

А смертерадостный покойничекъ знай себѣ хохочетъ:

— Небось,—говорить,—меня этимъ не испугаешь,—я—рассейскій.

Смертеныши.

Нарожала Смерть ребятъ, наложила ихъ въ подоль, несетъ, трясетъ, сама спрашиваетъ:

— Кому смертенышей надо?—По пятаку пара.

А кому смертенышей надо?—Никто не беретъ ихъ и даромъ. Говорятъ:

— Сама родила, сама и корми чадушекъ.

Смерть говоритъ людямъ:

— Чѣмъ я ихъ кормить-то стану? Они у меня не какіе-нибудь, благородные, — ихъ всячинкою не накормишь.

Идетъ навстрѣчу Смерти чортово отродіе, генеральское благородіе; рожа у него великопостная, а пузо толстое, какъ у аглицкаго хулигана Ебуарда.

Говоритъ ему Смерть:

— Здравствуй, чортово отродіе, генеральское благородіе! Не надо ли тебѣ смертенышей? Уважая тебя, уступлю дешево.

У чортова отродія, генеральскаго благородія, отъ радости селезенка скрипнула. Говоритъ онъ съ упованіемъ:

— Есть у меня колольщиковъ и молольщиковъ, бѣгунцовъ и топунцовъ достаточно, а нехватка у меня приключилася: иройскаго духа мало отпушено.

Говоритъ ему Смерть:

— И, чортово отродіе, генеральское благородіе! ты объ этомъ не кручинься. Моихъ смертенышей на это взять, — у нихъ духу на десять Рассей хватитъ. Какъ мой смертенышъ дышитъ, — на тысячу верстъ кругомъ смердитъ.

У чортова отродія, генеральскаго благородія, всѣ суставы возликовали. Понюхаль онъ смертенышей съ восхищеніемъ, руки уперъ въ боки, возвелъ очи въ потолоки, посылаетъ смертенышей на далекіе востоки, говоритъ имъ напутственное слово:

— Вы, смертеныши, поспѣшайте, — на дальніе востоки духу напускайте, — волоките наши храбрыя войски въ смертные бои, — будьте, мать вашу вспоминаючи, расейскіе ирой.

Хвасты и вѣсти.

Въ одномъ лѣсу жили хвасты. Маленькіе, грязненькіе, поганенькіе, какъ лишаи. На весь лѣсъ расширились, и хвастаютъ:

— Всѣ лѣса, всѣ поляны заберемъ подъ себя, и никто не посмѣетъ противиться.

А въ сосѣднемъ лѣсу жили вѣсти. Тоже маленькіе, только юркіе, какъ ящерицы. Бѣгають, шныряють вездѣ, гдѣ что дѣлается, сейчасъ вызнають.

И вотъ вызнали вѣсти, что хотятъ хвасты ихъ завоевать. Собрали вѣсти, не долго думая, войско, пошли на хвастей, идутъ, не зѣваютъ.

Встрѣтились. Хвасты встали, растопырились, принялись хвастаться:

— Мы—такіе, сякіе, немазаные. Лучше насъ нѣтъ никого. Мы васъ поколотимъ, въ плѣнь заберемъ, лѣсъ вашъ отвоюемъ.

Вѣсти говорятъ:

— Ну, что стоять, давайте драться.

А хвасты отвѣчаютъ очень важно:

— Подождите, мы еще не все перехвастали. Мы, хвасты, и сами очень хорошіе и порядки у насъ за первый сортъ...

А тутъ вѣсти, не говоря худого слова, быстро на хвастей напали, расколотили ихъ на славу, и говорятъ:

— Ну, хвасты, битые, клоченные, по землѣ поволоченные, полно драться, давайте мириться, платите намъ выкупъ.

А хвасты говорятъ очень жалобно:

— Мы—хвасты, у насъ голыя пясти, платить вамъ выкупъ намъ не изъ чего.

Но только вѣсти хвастямъ не повѣрили, карманы у хвастей повыворотили, большой себѣ выкупъ вытрясли.

Вернулись хвасты домой, сидятъ, пригорюнились, а все-таки хвастаютъ:

— Наши войски бились по-свойски, очень героически! Боятся насъ вѣсти, не смѣютъ къ намъ въ лѣсъ лѣзти, насъ, хвастей, ясти.

Раздувшаяся лягушка.

Это невѣрно, что она съ натуги лопнула и околѣла,—она околѣла отъ сухой малой былинки. И никакого вола тутъ не было, — волу въ болотѣ нечего дѣлать, — а это лягушка своимъ умомъ дошла до того, чтобы надуваться.

И она надувалась помаленьку: одинъ день на вершокъ надуется, другой день на четверть, а то и отдохнетъ день-два. И все надувалась, надувалась, надувалась, и стала, наконецъ, такая большая, что ни одному великану ее бы не обхватить. И всѣ ея очень боялись. Какъ она квакнетъ, такъ у самаго храбраго журавля поджилки затрясутся.

Ну, она этимъ, конечно, пользовалась, и требовала, чтобы ея слушались.

А только, когда она такъ надулась, такъ кожа у нея стала тоненькая, а кишка очень жидкая. Пока она сидѣла или прыгала на гладкомъ мѣстѣ, такъ все ничего было. А разъ она прыгала, а у нея на дорогѣ сухая малая былинка стала. Лягушка не смотритъ, куда прыгаетъ, думаетъ—важная. А сухая малая былинка ей въ брюхѣ кожу и проткнула. Сейчас началъ изъ лягушки духъ со свистомъ выходить. На всю округу было слышно „с-с-с-и-и“ — духъ изъ лягушки выходитъ. Какъ духъ вышелъ, ужъ больше лягушка не могла жить, околѣла, и всѣ увидѣли, что она—маленькая.

Вотъ какъ дѣло было по-настоящему. А вола онъ ни къ селу, ни къ городу приплель.'

А, можетъ быть, это онъ про другую лягушку рассказываетъ.

Озорникъ.

Жилъ мальчикъ Озорникъ. Онъ все колотилъ своихъ братишекъ. И некому было за нихъ заступиться, — хоть и не жалуйся, все равно, ничего не будетъ.

Папа говорилъ:

— Онъ васъ колотилъ, а вы что дѣлали? Плакали? Кричали? Да какъ вы смѣли нарушать тишину и порядокъ? Вотъ я васъ!

Мама говорила:

— У меня по хозяйству дѣла много, — не до васъ.

Дядя военный говорилъ:

— Субординацію помни! Руки по швамъ! Смирно! Налѣво кругомъ! Шагомъ маршъ!

Дѣдушка говорилъ:

— Самъ будь хорошій, никто тебя не тронетъ. Ты не смотри, что онъ дерется, — ты о себѣ позаботься, какъ тебѣ лучше быть. Онъ на тебя съ кулаками, а ты ему ласковое слово.

И много еще чего дѣдушка говорилъ, — ему бы только начать. Озорниковы братишки ужъ и не слушаютъ, а онъ все свои сказы сказываетъ.

Пошелъ разъ Озорникъ на улицу, сталъ задирается съ сосѣдскими мальчишками. Одолѣли Озорника сосѣдскіе мальчишки, нарыли ему очень достаточно. Идетъ Озорникъ домой, воетъ, а братишки изъ окошка смотрятъ, говорятъ:

— Ну, теперь онъ посмирнѣе будетъ.

Да не тутъ-то было. Озорникъ ихъ вдвое сильнѣе прибилъ. Говорить имъ:

— Вы за одно съ сосѣдскими мальчишками,—теперь вамъ отъ меня житья не будетъ.

Карачки и Обормоть.

Не за нашу память то дѣло случилось, не въ нашей землѣ оно сталося. При царѣ Горохѣ, у чорта на куличкахъ, жили были карачки,—ходили на четверенькахъ, носомъ землю нюхали, хвостомъ въ небо тыкали, и очень собою были довольны.

Забрелъ къ нимъ, нивѣсть откуда, Обормоть. Голову держитъ кверху, прямо передъ собою весело по-свистываетъ, на обѣ стороны бойко поплеываетъ. Не понравилось такое поведеніе карачкамъ, — говорятъ Обормоту:

— Какъ ты смѣешь на заднія лапы становиться, головой въ небо выдыбать? Мы тебя за это засудимъ.

Повели его всѣмъ народомъ къ суду въ неправильному.

— Судья,—говорятъ,—неправильный, суди ты этого Обормота: онъ головой фырдыбачитъ, противъ нашего карачьяго закона весело идетъ, на карачьи наши спины бойко поплеываетъ.

Ну, судья неправильный со всею своею перемудростью тотчасъ же порѣшилъ: оттяпать Обормоту голову.

Повели Карачки Обормота на лобное мѣсто. Идетъ Обормоть, кается, горячьми слезьми умывается, а между прочимъ думаетъ:

„Какъ-то вы, карачье безмозглое, до моей головы доберетесь?“

И вотъ на самомъ интересномъ мѣстѣ вышла у карачекъ заминка: надо Обормоту голову рубить, да Обормоть на четвереньки не становится, а карачкамъ, на четверенькахъ стоячи, до его головы не добраться.

И противъ своего закона поступить и на ноги вздыбиться имъ тоже никакъ невозможно. Повякали, повякали промежь собой карачки, да и погнали Обормота изъ своей страны далеча.

— Иди себѣ, — говорятъ, — съ Богомъ по морозцу, мы, — говорятъ, — народъ очень добрый.

Лишнія веревочки.

У одного мальчика мама была строгая, и папа былъ строгій. Какъ папа или мама увидятъ своего мальчика, такъ сейчасъ и закричатъ на него:

— Не шали! Какъ ты смѣешь шалить, скверный мальчишка! Тишину и порядокъ нарушаешь.

Ну, а мальчикъ, извѣстно, ребячьимъ дѣломъ, безъ шалостей не могъ прожить. Онъ бы и радъ не огорчать папашу и мамашу, да никакъ не могъ удержаться: нѣтъ, нѣтъ, да и напалить.

Вотъ однажды папа съ мамою и сказали:

— Слова на тебя не дѣйствуютъ, такъ мы перестанемъ къ дѣлу. Мы тебя скрутимъ, — ты у насъ позабудешь, какъ шалить.

Хорошо, — сказано, сдѣлано. Связали мальчику руки веревочкой такъ, чтобы добрыя слова писать онъ могъ, а на дерзкія слова чтобы у него не было размаха; поноски для папаша съ мамашей носить можно, а въ барабанъ бить нельзя. Связали ему ноги, — ходить тихонько можно, а ужъ бѣжать, — нѣтъ, братъ, шалишь, не побѣжишь. На лицо надѣли хорошенькій намордничекъ, — манную кашу кушать можно, а кусаться и думать не могли. Къ спинѣ привязали палку, чтобы мальчикъ прямо держался, по формѣ. Ну, такъ скрутили мальчика, что просто бѣда. Не можетъ мальчикъ и шага лишняго сдѣлать. И сталъ мальчикъ скромный, какъ хотѣлось

папѣ и мамѣ. И сталъ мальчикъ скучный, все плакалъ потихоньку. А папа съ мамой говорили:

— Плачь, плачь,—видишь, какъ нехорошо шалить. Мы тебѣ раньше довѣряли, а теперь ты ужъ потерялъ право на довѣріе,—самъ на себя пеняй.

Бродить тихонечко мальчикъ, а сосѣдскіе ребята надъ нимъ смѣются. А у мальчика папа и мама были строгіе, но глупые. Они сначала радовались, что сосѣди надъ мальчикомъ смѣются. И сами мальчика стыдили.

Только одинъ разъ, когда они спали, кто-то разбилъ имъ стекло въ окнѣ. Бросили съ улицы камень, а на камнѣ бумажка привязана, а на бумажкѣ написано очень крупными буквами: „Это вамъ за то, что вашего мальчика обижаютъ“.

Папа съ мамой прочитали бумажку по складамъ, шибко разсердились, своего мальчика наказали, городовому пожаловались, — только городской ничего не могъ сдѣлать. Окрутили папа и мама мальчика еще новыми веревочками, — даже и тамъ второй разъ связали, гдѣ уже и раньше было связано, и легли спать, — сами поѣли, а мальчикъ безъ ужина, но привязанный къ своей кроваткѣ для спокойствія и безопасности и чтобы на стѣну не полѣзъ.

Только имъ въ эту ночь и второе стекло камнемъ высадили, а на камнѣ опять бумажка была, а на бумажкѣ написано: „И всѣ стекла высадимъ, если мальчика обижать станете“.

Тогда папа съ мамой струсили, пошли ко всѣмъ сосѣдямъ, и вездѣ объявили:

— Мы съ нашего мальчика лишнія веревки снимемъ.

Сняли съ мальчика половину веревочекъ, — тѣ, что лишнія были навязаны, — и легли спать спокойно; — колпаки надѣли, и спать, думаютъ, — никто ихъ не тронетъ.

Палочка-погонялочка и шапочка-многодумочка.

Одному хорошему мальчику тетя подарила палочку-погонялочку.

— Съ этою,—говорить,—палочкой ты далеко уйдешь, въ люди выйдешь. Только не лѣнись. Какъ тебѣ что понадобится сдѣлать, такъ ты сейчасъ палочку-погонялочку скричи: палочка-погонялочка, прибавь мнѣ ума-разума.

Вотъ съ тѣхъ поръ, что ни понадобится хорошему мальчику, зададутъ ли ему трудный урокъ, пошлютъ ли его куда, что купить или принести, — сейчасъ онъ и кричить:

— Палочка-погонялочка, прибавь мнѣ ума-разума.

И палочка-погонялочка тутъ какъ тутъ, начнетъ хорошаго мальчика подгонять, такъ что у него откуда ноги берутся, — бѣжить, земля дрожить, пятки сверкаютъ. А коли урокъ учить надо, такъ опять у палочки-погонялочки своя и на это сноровка: чуть хорошій мальчикъ зѣвнетъ или потянется, сейчасъ она его охаживать примется, мигомъ лѣнь, какъ рукой, сниметъ.

И сталъ хорошій мальчикъ на диво послушный да прилежный. Папа и мама, дяди и тети, дѣдушки и бабушки имъ не нахвалятся. И самому хорошему мальчику сначала такая сноровка нравилась: извѣстно, дитя малое, неразумное; ему палочка-погонялочка спину бьетъ, а онъ себѣ смѣется и очень весело заливается, хохочетъ. Забавно глупышу, а кожа молóдая, да и своя, некупленная.

Только вотъ видитъ онъ, что кожа то у него вся въ синякахъ. Пойдетъ ли купаться,—сосѣдскіе ребята смѣются.

— Опять, — говорятъ, — тебя твоя палочка-погонялочка исполосовала.

— За то, — говоритъ хорошій мальчикъ, — я всякій урокъ выучить могу, и всякую посылку снесу безъ всякаго сомнѣнія.

И опять ребята смѣются:

— Уроки, — говорятъ, — ты учишь, а какую тебѣ за это награду даютъ?

— Книжку съ картинками, да въ красномъ переплетѣ, да съ золотыми буквами, — говоритъ хорошій мальчикъ.

А ребята ему отвѣчаютъ, и такъ убѣдительно:

— Такія то книжки и у насъ есть, да только тебѣ книжку дадутъ съ поддѣлкою: середка у нея вся выдрана — самое замѣчательное мѣсто мыши съѣли.

Посмотрѣлъ, посравнилъ хорошій мальчикъ, видитъ: и впрямь у ребятъ книжки настоящія, въ полномъ составѣ, а у него — вмѣсто книжки мышиный огрызокъ. И стало хорошему мальчику досадно.

Ну, думаетъ, побѣгу въ чужіе края, узнаю тамъ, какъ бы мнѣ безъ палочки-погонялочки да еще того лучше прожить.

Побѣжалъ хорошій мальчикъ за море далеко, палочка-погонялочка его гонитъ-поколачиваетъ. Бѣжитъ хорошій мальчикъ, плачетъ. Добѣжалъ до избушки на курьихъ ножкахъ. Вышла оттуда Баба-Яга, костяная нога, спина глиняная. Спрашиваетъ:

— Хорошій мальчикъ, куда путь-дороженьку держишь? зачѣмъ такъ проворно поспѣшаешь?

Обсказалъ ей мальчикъ все свое дѣло. Баба-Яга ему и говоритъ:

— А ты, дурачокъ, палочку-погонялочку сломай, а надѣнь на себя вотъ эту шапочку-многодумочку.

И дала ему баба Яга шапочку-многодумочку, и какъ только надѣлъ ее на себя хорошій мальчикъ, такъ радовался и сказалъ:

— Шапочка-многодумочка лучше палочки-погонялочка.

И сломалъ палочку-погонялочку.

Вернулся хорошій мальчикъ домой, сталъ жить-поживать по-хорошему, не колоченный. А какъ надо ему что трудное сдѣлать, сейчасъ онъ шапочку-многодумочку надѣнетъ, и всѣ дѣла очень хорошо разсудить.

Люди добрые! сломайте-ка палочку-погонялочку, надѣвайте шапочку-многодумочку!

Черемуха и вонючка.

Росла черемуха, цвѣла и пахла. Шла мимо вонючка, носомъ покрутила, спрашиваетъ:

— Ты чего это, черемуха, пахнешь?

А черемуха ей отвѣчаетъ:

— Цвѣту, оттого и пахну.

Говорить вонючка очень сердито:

— Это мнѣ совсѣмъ не нравится, и очень даже смѣшно. Ужъ я ли не барыня, да и то воню, а ты, простая черемуха, пахнуть вздумала.

— Такое ужъ мое сиротское дѣло, — говоритъ ей черемуха, — пахну да и пахну, Богу во славу, людямъ во утѣшеніе, — а ты, барыня, ступай своею дорогой, воняй, сколько хочешь.

Вонючка распалилась гнѣвомъ, визжитъ поросычьимъ голосомъ:

— Не смѣй пахнуть, мужичка! Слушайся моего барскаго приказа!

Черемуха ей резоны представляетъ со всею политикой:

— Не могу я не пахнуть, сударыня-барыня, — ужъ такое дадено мнѣ свыше опредѣленіе, — хоть тресни, да пахни, крещеный людъ весели. А ты, сударыня-барыня,

вонючее благородіе, иди себѣ подальше, коли тебѣ мой сиротскій духъ не нравится.

— А вотъ и не пойду, — кричитъ вонючка, — не могу позволить такихъ непорядковъ, буду стоять близко около, перевоняю тебя, окаянную черемуху.

Стоить подь черемухой да и воняетъ,—что ты съ нею подѣлаешь!

Спасибо, шли мимо добрые люди. Сперва-то, не разобравъ того дѣла, черемуху обхаяли:

— Фу,—говорятъ,—какая черемуха противная: чѣмъ бы ей пахнуть по-хорошему, а она воняетъ по-анаемски!

А потомъ, какъ увидѣли, въ чемъ тутъ причина, взяли зашибли вонючку толстою палкою, зацѣпили вонючку на желѣзный крюкъ, сволокли ее на помойную яму. Такъ вонючка и кончилась.

Живуля.

Въ одномъ хорошемъ городѣ жила старая Живуля. И какъ давно жила она на бѣломъ свѣтѣ, никто въ томъ хорошемъ городѣ не помнитъ, и даже паспортистъ въ участкѣ отъ Живули отступился.

— Не знаю,—говоритъ,—какую цыфру тебѣ ставить, и сколько много тебѣ есть возрасту.

Родители у Живули, Карга окаянная да Кощей безсмертный, давно померли; братья и сестры Живулины, и всѣ сверстники и сверстницы, Хрычи да Хрычовки, Яги да Кикиморы, примерли; дѣти и внуки, нечистъ и нежить поганая, перемерли,—а Живуля живетъ себѣ. По хорошему городу ходитъ, бродитъ, шагаетъ, по липовымъ мосткамъ клюкою ломаню постукиваетъ, на хорошихъ людей мутными очами посматриваетъ, и неподобныя словеса выговариваетъ. Одеженка

у Живули рваная, грязная, шибко молью трачена. Пахнет отъ Живули гораздо крѣпко, русскимъ духомъ несетъ.

Ну вотъ, случилось разъ, у базарной площади, на юру, на розстани, повстрѣчался съ Живулею Удадь-добрый-молодецъ. Кафтанъ на немъ — красенъ шелкъ, порты на немъ — зеленъ атласъ, сапоги на немъ — желтъ сафьянъ да съ разводами. На головѣ у него — шапочка поярковая, а на шапочкѣ съ одной стороны павлиное перье понатыкано отъ самой Жарь-Птицы, съ другой стороны горитъ, переливается камень все самоцвѣтное: аль лаль, бѣль алмазь, зеленъ изумрудъ. Самъ шибко на веселѣ, идетъ, посвистываетъ, ажъ листь съ древа сыплется.

Увидалъ Живулю Удадь-добрый-молодецъ, и Живуля ему не понравилась, — тутъ онъ кисло поморщился, впередъ себя на тридцать сажень черезъ тынь да рябину богатырски сплюнулъ, говоритъ Живулѣ такія ласковыя слова:

— Старая Живуля, никому тебя не надо, а глядѣть на тебя тошно. Легла бы ты, старая Живуля, въ новый тесовый гробъ, покрылась бы ты, старая Живуля, сосновой доской, снесли бы мы тебя, старую Живулю, изъ хорошаго города вонъ, опустили бы тебя въ глубокую могилу, засыпали бы тебя сырою землею, — сталъ бы въ хорошемъ городѣ легкій духъ.

Махнула Живуля ломаною клюкою, сказала Живуля крѣпкое слово, а послѣ того отвѣчаетъ Удадь-добрый-молодцу вѣжливленъко, сама тихо побрякиваетъ:

— Удадь-добрый-молодецъ, нельзя мнѣ такія дѣла дѣлать, — на мнѣ большой зарокъ положенъ. Какъ есть я Живуля, то и надо мнѣ жить, а помереть мнѣ никакъ невозможно, и такихъ дѣловъ за мной никогда не было. А впрочемъ, коли очень хочешь, пойдемъ со мной вмѣстѣ, и я тебѣ въ томъ не помѣха.

На тѣ слова Удадь-добрый-молодецъ шибко сердился, говорилъ Живулѣ съ большою отвагою:

— Глупая Живуля, я тебѣ башку пополамъ раскокаю.

А Живуля нисколько не испугалася, и говорить очень даже весело:

— Кокай, Удадь-добрый-молодецъ, въ полное свое удовольствіе, башки мнѣ не надобно, а духа изъ меня тебѣ не вышибить,—мало каши ѣлъ и въ Саксоніи не былъ.

Разъярился, разгнѣвался Удадь-добрый-молодецъ, выдернулъ изъ тына здоровый колъ, ударилъ Живулю по головѣ, разбилъ Живулину голову на-двое.

А Живулѣ хоть бы что,—ломаную клюкою подпирается, по базару пробирается, голова у Живули направо и на-лѣво раскрылася, всѣ мозги по вѣтру болтаются, а духъ отъ Живули пошелъ много крѣпче прежняго.

Такъ и живетъ Живуля, хорошій городъ поганить, легкій воздухъ тяжелымъ духомъ портить.

Нетопленные печи.

Въ одномъ домѣ были холодныя печи. Ихъ не топили, потому что боялись пожара. Хозяйка была скупая. Она говорила:

— Стѣнки есть, потолокъ да крышка есть, полъ есть, двери войлокомъ околочены, въ окна зимнія рамы вставлены, щели въ нихъ забиты паклей, замазаны замазкой и покрашены краской. Холоднаго' воздушку не дунеть, наружной вѣтриночки не вѣнетъ. Чего же вамъ больше?

Хозяйкины дѣти, глупыши малые, ее просили:

— Ты бы намъ, мама, въ дѣтской хоть когда-когда печечку вытопила, а то ужъ больно зябко: зубъ на зубъ не попадаетъ.

А скупая хозяйка имъ отвѣчаетъ весьма равнодушно и съ такою ласковою усмѣшкой:

— И, полно, глупенькіе, какая вамъ печечка? Ваше дѣло молодое,—стерпится. Вы воздушку не шевелите, вѣтру не дѣлайте, сидите себѣ смирнехонько, да скромнехонько, другъ къ дружкѣ покрѣпче прижмитесь, другъ о дружку грѣйтесь, вотъ зиму то и перетерпите. А тамъ, можетъ быть, и весна придетъ, такъ я васъ на травку выпущу. А дрова-то въ печкѣ жечь, зря денежки въ трубу выпускать, дымомъ воронамъ носы коптить,—нѣтъ, милыя, этого у меня въ домѣ, пока я жива, не будетъ, и вы эти несбыточные мечтанія оставьте.

Сама лисью шубу на себя накрутила, ковровыхъ платковъ на голову наслоила, ноги въ теплые чулки да въ мѣховые сапоги обула, — ходитъ да на дѣтокъ покрикиваетъ.

— Мнѣ,—говорить,—очень даже тепло.

Ну, а ребятишки, извѣстно, дѣтскимъ дѣломъ, одѣты тоненько да легонько. Да и пуговки у нихъ многія поотрывались, да и прорѣшекъ не мало понакопилось. Дрожать отъ стужи, зубами щелкаютъ, иной разъ и всплачутъ.

Только одинъ разъ старшій мальчикъ придумалъ такое дѣло:

— Что, — говоритъ, — намъ стынуть! Этакъ вся у насъ душа вымерзнетъ. Весна придетъ, а отъ насъ одни трупики останутся. Поломаемъ-ка мы столы да стулья, положимъ ихъ въ печку, погрѣмся.

— Мама забранится,—сказали дѣвочки.—Какъ бы не поколотила!

Но ужъ такъ зазябли ребятишки, что долго думать не стали,—всѣ свои столы и стулья поломали, и въ печь.

положили. Печку топятъ, огонь весело горитъ, ребята отъ радости смѣются, и промежъ себя говорятъ:

— Позовемъ и маму погрѣться.

Гули.

Жили Гули, лили пули, ѣли дули. Сами ѣли, и сосѣдовъ потчевали. Очень имъ весело было.

Только ужъ такъ онѣ много пуль слили и дуль съѣли, что земля не стерпѣла, трястись начала. Пришелъ къ Гулямъ Карачунъ, взялъ ихъ на цугундеръ, снесъ ихъ къ чортовой бабушкѣ.

Чортова бабушка посадила ихъ на лавочку, угостила ихъ кашею изъ горючей смолы съ адскою сѣрою. Смоляную кашу съѣли Гули, да и ножки протянули, очи закатили, сами застыли.

Повернула ихъ чортова бабушка въ чортовы куклы, отдала ихъ играть адовымъ голоштаннмъ ребятамъ.

Ну, а тѣ,—извѣстно, чертенята озорные,—первымъ дѣломъ гулямъ головы поотрывали.

Такъ-то кончились Гули.

Бѣлые, сѣрые, черные и красные.

Въ одномъ большомъ домѣ жилъ мальчикъ Кисынька. Папа и мама у него баловники были, на своего Кисыньку надышаться не могли, — и сталъ Кисынька капризнымъ мальчишкой. Все хочетъ сдѣлать по-своему. А такъ какъ онъ еще былъ малъ и глупъ, то и выходило все у него нехорошо. И все-то онъ капризничаетъ, все-то буянить, на маму ножкой топаетъ, стекла бьетъ, сестренокъ и братишекъ колотить,

а то съ сосѣдскими мальчишками въ драку увяжется. Приходить въ синякахъ, реветъ, жалуется, а самъ не понимается.

И ужъ такой озорной сталъ мальчишка, — у сосѣдей стекла побьетъ, папѣ съ мамой платить приходится, а ему хоть бы что.

Вотъ и собрались за печкой Домашніе, — нежити малюсенькіе; они вмѣстѣ съ людьми всегда обитаютъ, только люди ихъ не всѣ примѣчаютъ. Не всякому тоже дано эти дѣла понимать.

Собрались маленькіе Домашніе, сидятъ, толкуютъ, шепчутся своими шелестинными голосочками, паутинными ручками помахиваютъ, незримыми головками потряхиваютъ:

— Надо Кисыньку образумить, а то вырастетъ Кисынька большой шелопаи, со глупа ума натворитъ бѣдовухъ дѣлъ, осрамитъ на весь свѣтъ нашъ честной домъ.

Пошептались, да и порѣшили, — послать бѣлыхъ Кисыньку образумливать. Пошли къ Кисынькѣ бѣлые. Чистенькіе, веселенькіе, живыми водицами умытые, бѣлыми тафтицами прикрытые, кудри свѣтлые развѣваются, губы алыя улыбаются. Стали Кисыньку улецивать ласково:

— Милый Кисынька, будь умникомъ, веди себя хорошенечко, папѣ, мамѣ не дерзи, малыхъ дѣточекъ не обижай, о себѣ много не думай. Мы тебѣ, голубчикъ, невиданныхъ игрушекъ надаримъ, коли ты паинькой будешь.

А Кисынька закричалъ:

— Убирайтесь, куклы тараканьи! Со всякой мелюзгой не стану разговаривать.

А самъ маминою копечкѣ на хвостъ наступилъ.

Ушли отъ него бѣлые, пришли сѣрые. Всѣ словно пылью покрытые, сами кислые да сердитые. Говорятъ Кисынькѣ скучныя слова:

— Стыдно, Кисынька, капризничать да шалберничать. Людей бы ты постыдился, Бога бы ты побоишься. Папа съ мамой терпятъ, терпятъ, да и за пруть возьмутся.

А онъ имъ кричить:

— Пошли къ чорту, не мѣшайте!

А самъ бабушкину собачку за окошко вышвырнулъ.

Ушли отъ него сѣрые. Пришли черные. Всѣ, какъ арапы, черные, а глаза угольками горятъ. Кричатъ Кисынькѣ:

— Не смѣй шалить, а то будетъ худо!

А Кисынька имъ отвѣчаетъ:

— Вотъ напалюсь, тогда и перестану.

Сабелькою помахиваетъ, лампадку опрокинулъ, деревяннымъ масломъ мамино любимое кресло измазалъ. Потомъ на полъ сѣлъ, сталъ спички чиркать и на коверъ бросать.

Тутъ черные ушли, пришли красные. Какъ съ цѣпи сорвались, кричатъ, визжать, бѣсуются. Зажженные Кисынькины спички подхватываютъ, къ занавѣскамъ на окнахъ ихъ приставляютъ.

Начался тутъ пожаръ, весь домъ сгорѣлъ, и уже послѣ пожара вытащили Кисынькины обгорѣлыя косточки.

Плакали папа съ мамой, да поздно.

Телята и волкъ.

Въ одно стадо повадился волкъ, — телятокъ и козлятокъ таскать. И онъ ихъ таскаетъ и таскаетъ, зубами рветъ, когтями рѣжетъ, въ лѣсъ волочить, своихъ волчатъ телятиною да козлятиною кормить. И былъ онъ такой большой и былъ онъ такой злой, и былъ онъ такой сѣрый.

Ну, известное дѣло, завели собакъ злыхъ-презлыхъ. Собаки кругъ стада рыщутъ, по ночамъ лаютъ, добрымъ телятамъ спать мѣшаютъ, а только волкъ ихъ ничуть не боится. И таскаетъ онъ себѣ телятъ и козлятъ, и таскаетъ. Большой, злой, сѣрый.

Вотъ одинъ разъ жевала корова свою жвачку, своимъ коровымъ хвостомъ помахивала, тупыми глазами на траву поглядывала, и ни о чемъ не думала. И вдругъ она слышитъ, — говоритъ ей коровій сынъ, молодой ласковый теленокъ:

— Мы, молодые телятки да козлятки, всякую надежду на собакъ нашихъ потеряли. Не справиться имъ съ нашимъ лихимъ злодѣемъ, съ сѣрымъ волкомъ, — только попусту онѣ лаютъ, нашихъ сосунковъ по ночамъ зря пугаютъ. А слышали мы, — проходилъ вчера мимо стада заморскій нѣмецъ, сказалъ онъ такое хитрое слово: „Въ единеніи сила“. Вотъ и сговорились мы, удалые добрые телята и козлята, — соберемся мы всѣ вмѣстѣ, пойдемъ мы въ лѣсъ прямо къ волчьему логовищу, злого сѣраго волка задавимъ, злую волчиху его погубимъ, да и волчатъ его не пожалѣемъ.

Корова коровымъ своимъ хвостомъ помахала, жвачку пожевала, на сына поглядѣла довольно тупо, и промолвила ему такое коровье тихое слово:

— Дай Богъ нашему теляти волка поймати. А только я такъ понимаю, что изъ этого ничего путнаго не выйдетъ. Сами вы лѣзете господину волку въ лапы. всѣхъ васъ господинъ волкъ перерѣжетъ за милую душу. Вспомнить бы вамъ старую прибаутку: „Ерема сидѣлъ бы ты дома, точилъ бы свои веретена“.

Но не послушался ея коровій сынъ, молодой удалой теленокъ, да и хорошо сдѣлалъ. Собрались изъ того стада всѣ телята и всѣ козлята, пошли они въ лѣсъ къ сѣрому волку, окружили его нечистое логовище, забили копытами все волчье семейство.

А потомъ и собакъ прогнали, чтобъ онѣ по ночамъ не лаяли, сосунковъ бы не пугали.

Богово логово.

Въ одной странѣ люди жили язычники. У нихъ было много боговъ. Всѣ боги сидѣли на одной высокой горѣ и смотрѣли за людьми. Каждый богъ смотрѣлъ по своей части. Ну, вотъ, одинъ богъ за тѣмъ смотрѣлъ, чтобы у солдатъ были каски хорошенько отчищены, такъ, чтобы блестѣли. Другой смотрѣлъ, чтобы корабли стояли, гдѣ имъ полагается. Еще одинъ смотрѣлъ, чтобы пачальники ворешекъ построже наказывали. Еще одинъ смотрѣлъ, чтобы на улицахъ были тишина и порядокъ, и чтобы люди въ пьяномъ видѣ не дебоширили и противъ начальства не шебаршили. Ну, и по другимъ частямъ были свои боги. Вотъ они все сидѣли и смотрѣли, и какъ что не по нимъ, сейчасъ громъ и молнія,—разносъ виноватому.

Вотъ люди язычники и говорятъ промежъ себя:

— Воскуримъ-ка имъ фиміаму, — они хоть и боги, а все-таки имъ тоже, поди, лестно фиміаму понюхать.

И сейчасъ, какъ сказали, такъ и сдѣлали съ очень большимъ усердіемъ: сложили многое множество каменныхъ алтарей, навалили на нихъ большіе костры дровъ, фиміамомъ сверху полили и все это зажгли сразу. Пламя полыхаетъ чуть не до неба, дымъ еще выше идетъ, и прямо къ богамъ. А люди язычники стараются: и они къ кострамъ день и ночь ходятъ, и они дровъ подваливаютъ, и они фиміаму подливаютъ.

На горѣ, гдѣ боги сидѣли, очень сладко запахло. Вся ту землю отъ боговъ дымнымъ облакомъ заволокло, и всю гору пахучимъ дымомъ закоптило, — а богамъ

очень это понравилось. Сидять, отъ удовольствія жмурятся, лики у нихъ очень веселые и даже блаженные,— сидять, нюхаютъ, и чихаютъ. И такъ они въ дыму-то этомъ угрѣлись и начихались, что все сидять и дремлютъ, и ничего на землѣ не видять, да и смотрѣть не хотятъ.

Все бы это было ничего себѣ, хорошо, да вотъ разъ пришелъ въ ту землю очень большой человѣкъ. И такой онъ былъ несоразмѣрный большой, что какъ ни ступить, такъ или домъ повалить, или человѣка-язычника раздавить.

Вотъ идетъ большой человѣкъ и видитъ: стоитъ гора довольно высокая, вокругъ нея внизу крохотные огонечки поблескиваютъ, вся она дымомъ заволокена, и очень хорошо пахнетъ. Понравилось это большому человѣку.

„Дай“,—думаетъ,—„сяду, посижу, отдохну“.

Сѣлъ на гору, сидить, трубку покуриваетъ, ногами побалтываетъ, кругомъ весело поглядываетъ.—и совсѣмъ ему ни къ чему, что такое подъ нимъ дѣлается. И не знаетъ того, какихъ онъ дѣлъ надѣлалъ.

Такъ это онъ аккуратно усѣлся на самое богово логово, что всѣхъ боговъ разомъ задавилъ, совсѣмъ начисто. Только отъ боговъ мокренько осталось, и сокъ внизъ по горѣ потекъ.

Посидѣлъ большой человѣкъ, и пошелъ дальше, куда ему надо было. А мальчишки-язычники, подъ горой бѣгаючи, на боговы потоки набѣжали, видять: текутъ ручьи бѣлые, пахнетъ хоть и сладко, да погано. Сейчасъ живымъ духомъ слетали домой, сказали большимъ язычникамъ.

Какъ уже тамъ дальше было, какъ въ этихъ дѣлахъ люди-язычники сообразились, точно не знаю. А только они узнали, что это боговы соки съ горы потоками текутъ: не то имъ это Сивилла ихняя разгадала, не то

колдунъ-кудесникъ, или они по наукамъ дошли, но только все дѣло обнаружилось. Сначала имъ конфузно было,—старики пошебаршили малость:

— Какъ такъ, — говорятъ, — по какому праву? Да гдѣ это показано—боговъ давить? За это такъ можно отвѣтить...

Но только видятъ, грома-молніи нѣтъ, и все происходитъ очень обыкновенно. Раскидали тогда они алтари, фиміамы своимъ дѣвкамъ гуляющимъ отдали, а сами больше не захотѣли въ язычникахъ оставаться,— всѣ въ русскую вѣру перешли и въ Сафать-рѣкѣ очень дружно окрестились.

Черное слово.

Въ нѣкоторую благочестивую страну пришелъ неистовый человѣкъ: въ чернаго вѣрить, черное носить, черное слово гораздо дерзко сказываетъ, и утверждаетъ.

Собрались благочестивые люди на совѣтъ, стали думать, какъ имъ ту бѣду избыть, отъ неистоваго человѣка избавиться. Говорятъ:

— Мы его въ тюрьму посадимъ.

А потомъ говорятъ:

— Мы его въ тюрьму посадимъ, а онъ, неистовый, черное слово скажетъ, тюремныя стѣны чернымъ словомъ рушить, изъ тюрьмы на волю выйдетъ, и утвердитъ крѣпче прежняго.

И такъ говорятъ:

— Мы его уьемъ, трижды анаѣему проклятаго.

И опять говорятъ:

— Мы его уьемъ, а онъ, неистовый, въ покойникахъ будучи, черное слово скажетъ, изъ сырой земли

возстанеть, мертвыми стопами къ намъ припастаетъ, и утвердить съ великимъ ужасомъ, и податься намъ будетъ некуда.

И этакъ говорятъ:

— Мы къ нему, анаемъ, пойдёмъ съ краснымъ словомъ, улестимъ его по хорошему.

И опять говорятъ:

— Мы къ нему пойдёмъ съ краснымъ словомъ по хорошему, а онъ, неистовый, нашему красному слову не повѣритъ, красное слово чернымъ словомъ херъ на херъ всхерить, утвердить до скончанія вѣка, и будетъ намъ крышка съ задвижкой.

И еще такъ говорятъ:

— Передаться бы намъ въ его анаемскую вѣру.

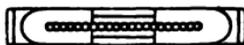
И говорятъ:

— Передаться бы намъ въ его вѣру, да онъ, неистовый, утвердитъ безъ милосердія, и всю великопостную музыку намъ испортитъ: не пуститъ насъ каяться, станеть лиловый попъ на насъ лаяться.

Не знаютъ, что дѣлать, — сидятъ, толкуютъ, сами очень скучаютъ.

Тѣмъ временемъ неистовый человекъ собралъ тамошнихъ ребятъ-голодранцевъ, обучилъ ихъ черному слову и веселому свисту, разогналъ съ ними благочестивое сборище, и зажилъ на просторѣ. Живеть, поживаетъ, добра наживаетъ, зла избываетъ, самъ крѣпко утверждаетъ, и ничуть не боится.

Айда къ нему, братцы, чего намъ бояться!

Оглавленіе.

	Стр.
Двѣ межи .	1
Ракъ пятится назадъ	2
Три плевка	3
Застрахованный грибъ	3
Харя и кулакъ .	5
Идолъ и переидолъ	5
Куклы дѣвочкина брата .	6
Фрица изъ-за границы	7
Лучишка въ темничкѣ	9
Смертерадостный покойничекъ	10
Смертеныши	10
Хвасты и вѣсти	12
Раздувшаяся лягушка	13
Озорникъ	14
Карачки и Обормоть	15
Лишнія веревочки	16
Палочка-погонялочка и шапочка-многодумочка	18
Черемуха и вонючка	20
Живуля	21
Нетопленные печи	23
Гули	25
Бѣлые, сѣрые, черные и красные	25
Телята и волкъ	27
Богово логово	29
Черное слово	31

Послѣдніе выпуски:

47. В. Силинъ, Внѣшкольное образованіе въ Германіи . . . . . 8 к.
48. И. Бѣлоконскій, За что и почему? — Фейга . . . . . 8 к.
49. Двѣнадцатый годъ. По разсказамъ современниковъ . . . . . 8 к.
50. Л. Толстой, Хозяинъ и работникъ . . . . . 8 к.
51. М. Моравскій, Въ иностранномъ легіонѣ . . . . . 8 к.
52. Ф. Шиллеръ, Избранныя баллады. Въ переводѣ В. А. Жуковскаго . . . . . 8 к.
53. В. Мякотинъ, На зарѣ русской общественности 10 к.
54. Л. Андреевъ, Петька на дачѣ. — Валя. — Баргамоть и Гараська . . . . . 6 к.
55. К. Баранцевичъ, Посконная жизнь . . . . . 8 к.
56. В. Якушкинъ, Сперанскій и Аракчеевъ . . . . . 8 к.
57. Діонео, Безъ работы. . . . . 6 к.
58. Е. Звягинцевъ, Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XIX вѣка. . . . . 8 к.
59. Ѳ. Сологубъ, Политическія сказочки. . . . . 6 к.
60. Л. Толстой, Народныя легенды. . . . . 8 к.

Печатаются:

61. К. Петровъ, Ирландія
62. А. Чеховъ, Мужики.